

Переписка с Галиной Мусахановой по поводу кончины Якова Агарунова и судьбы его архива

15 января 1993 года

Уважаемый Михаил Яковлевич!

Примите, пожалуйста, мои искренние соболезнования в связи с кончиной Якова Михайловича. Он останется в моей памяти возвышенным и мудрым человеком, которого нам всем будет не хватать. А в истории нашей культуры его имя вечно.

Пусть земля ему будет пухом!

А Вам и Вашим сестрам и его внукам желаю здоровья, счастья и успехов во всем!

Очень жаль, что Яков Михайлович не увидел завершенным, т.е. изданным, свой Словарь, в который он вложил много труда. Когда он привозил сюда (одну папку), наш директор выразил готовность обсудить Словарь и издать. На обсуждение надо было хотя бы одну букву представить, но тогда встал вопрос о перепечатке на машинке. Конечно, Вашему отцу трудно было взять на себя финансирование этой огромной работы. Теперь я себя очень корю, что все мы могли сложиться и дать возможность ее напечатать на машинке, но не сделали этого. Тогда психологически мы все были другими людьми, и вряд ли он сам принял бы такую помощь.

Это сейчас издания осуществляются за счет спонсоров.

Слышала, что Вы работаете над архивом Якова Михайловича.

Куда Вы хотите его определить?

Почему бы Вам не отдать архив в Институт рукописей АН Азербайджана? Там же хранятся уникальные архивы и материалы. Думаю, там надежно, только надо оговорить Ваши условия. Думаю, самое ценное в его архиве Словарь. Берегите его от ловкачей и хапуг, т.к. сейчас я не вижу людей, способных довести эту работу до конца ни у Вас в Баку, ни у нас в Дагестане, хотя издание его очень важно.

И, кроме того, наши научные центры не в состоянии (материально) осуществить такое издание. Поэтому берегите его от проходимцев. Единственный человек, который мог бы осуществить научное руководство подготовкой Словаря, наверное, ленинградский иранист профессор Л.Грюнберг. Но он, говорят, часто болеет теперь.

При нашем кризисе, даже те работы, которые были в печати, возвращены, т.к. издательские расходы возросли в 17 раз, а в АН нет денег. Может быть, какой-нибудь израильский фонд поддержит, но эта работа не на один год, как я думаю, даже при наличии профессионально подготовленного ученого.

На этом прощаюсь с Вами.

Желаю Вам счастливого Нового года! И, конечно, прекращения кровопролития в Карабахе, волнующего всех нас.

В нынешних условиях простые человеческие взаимоотношения затруднены. Я Вам пишу второе письмо. Думаю, первое не дошло до Вас: ведь мы теперь в разных государствах живем, и в обычных конвертах письма не доходят. Надеюсь, это письмо дойдет.

Всего доброго Вам, Кланяюсь Вашей милой супруге.

Галина Мусаханова

15 января 1993 г.

ОТВЕТ Галине Мусахановой

Уважаемая Галина Бенъяминовна!

Выражаю Вам свою признательность за Ваше письмо и за высказанные в нем соболезнования.

Вашего первого письма я не получал (почта и в самом деле работает из рук вон плохо), я немедленно на него ответил бы.

Яков Михайлович всегда с почтением относился к Вам как к ученому, и как к человеку. Думаю, это было взаимное уважение, в чем я удостоверился, заслушав Ваше выступление на семинаре.

Отец чувствовал свою скорую кончину и незадолго до смерти начал ознакомливаться со мной с документами из своего личного архива. Я всегда ощущал, что Яков Михайлович – личность незаурядная, а сейчас еще более в этом убеждаюсь при изучении его литературного, научного и личного наследия. Говорю об этом не как его сын – ведь он принадлежал не столько семье, сколько своей республике, своему народу – а как человек, проживший рядом с ним более пятидесяти лет и, может быть, единственный, с кем иногда он мог откровенно поделиться самыми затаенными мыслями. Он вызывал уважение к себе не только со стороны соратников и единомышленников, но даже противники его относились к нему с почтением.

Значительный архивный материал, оставшийся после его кончины, требует специального изучения и опубликования. Это – рукописи его стихов, поэм и пьес; автобиографические записи в виде воспоминаний об истории своего народа и Красной Слободы Кубинского района Азербайджана, содержащие также сведения и оригинальные документы о замечательных людях, творивших на татском языке; татско-русский и русско-татский словарь на 10 тысяч слов в виде картотеки; подлинные документы, содержащие партийно-правительственные решения и постановления о развитии культуры и языка горских евреев; сохранившийся в единственном экземпляре полный комплект газеты «Коммунист» на татском языке, статьи в которой отражают историю, быт, социальную жизнь и пр. горских евреев Красной Слободы, Баку, Дербента; учебники для еврейско-татских школ и уникальные документы на татском языке, написанные ивритской графикой.

Я перечислил лишь ту часть архива, которая может заинтересовать специалистов по истории евреев Кавказа. Но архив еще содержит советскую историю развития нефтяной промышленности. Имеются оригиналы документов, показывающие, как было непросто, пробивая бюрократизм приспособленцев, давать стране нефть в военный и послевоенный периоды. Написаны пьесы из жизни советских нефтяников.

Весьма ценен партийный архив (личный). В нем отражено страшное время 1937 года.

Как видите, мне самому с этой работой не справиться. Я привлек к этому руководителя информационного отдела в Баку израильского центра культуры и просвещения в диаспоре Якова Юшваева. Это – молодой человек (28 лет), выехавший в Израиль в 8-милетнем возрасте из Дербента. Он предложил обратиться к ученым Израиля о направлении в Азербайджан одного или двух докторантов для исследования. Тема одного – пополнение сведений об истории культуры, развития и пр. горских евреев в советский период; тема для второго – жизнь и деятельность Якова Агарунова.

В связи с огромным количеством предстоящих работ я думаю о создании специального фонда (уже намечены спонсоры), на средства которого можно проводить соответствующие исследования и поиск, в том числе совершать и необходимые поездки.

Один небольшой пример. Обнаружен документ-договор (оригинал), в соответствии с которым Дагестанский Государственный национальный театр в Дербенте в 1938 году приобрел у отца в виде рукописи его пьесу «Слезы радости». Но этой пьесы в архивах отца я не обнаружил. Может быть, следует искать ее следы в Дербенте? Следовательно, к этой работе необходимо привлечь помощников.

Почему я так подробно делюсь с Вами возникающими проблемами?

Вы написали мне, что корите себя за то, что в свое время не была оказана соответствующая помощь Якову Михайловичу в перепечатке на пишущей машинке материалов словаря. Уверяю Вас, что помощь нужна была не материальная, а организационная. Ему уже было не по силам искать машинистку, производить корректуру машинописи и пр. Ему было не просто обидно (не такой он был человек), ему было непонятно, что люди, заинтересованные в издании словаря, проявляли такое равнодушие к его судьбе. Да, именно равнодушие. Вместо того, чтобы обеими руками ухватиться за этот документ и не выпускать его из рук, Ваш директор высокомерно-бюрократически заявил: «Принесите в машинописи». После этого отец к словарю не обращался.

Примерно в таком положении могу оказаться и я сам. Доктор Альтшулер заинтересован в ознакомлении с архивом, использовании имеющихся в нем сведений в своих исследованиях, но хочет, как и Ваш директор, чтобы все ему было преподнесено на «голубой тарелочке».

Понятно, что навряд ли я сумею опубликовать труды отца здесь, на его Родине, в Азербайджане. Это будет, видимо, гораздо легче сделать в Израиле. У нас дома побывали д-р Альтшулер, д-р Ицхак Давид, Яков Юшваев. Все они считают, что только Израиль сумеет осуществить издание.

Первое, о чем меня попросил Альтшулер, это сделать копии с полного комплекта газеты «Коммунист» на татском языке и передать их в Иерусалимский университет. Я снял фильмокопии. Но чтобы приехать в Израиль на 2-3 недели, нужны соответствующие условия. Например, я не хотел бы жить у родственников. Но Альтшулер отказался помочь в поисках жилья (причем за мой счет). Видите? Я потратился на снятие фильма (а это недешево), я согласен поехать за свой счет, т.е. материальные расходы меня не останавливают. Но в организационном плане нужно содействие. Я уже оформил паспорта на себя и супругу. У меня болит (и довольно серьезно) нога, подлечусь и поеду. Но, вероятно, с Альтшулером, так же, как и мой отец с Вашим директором, постараюсь дела не иметь. Нужен ему материал – пусть сам побегает.

Пусть последняя фраза не смущает Вас, это сказано в адрес высокомерных людей. А дело, конечно, надо делать сообща.

Большое впечатление на меня произвело выступление Вашего супруга на бакинском семинаре. Я удостоверился в том, что его имя весомо в научном мире среди своих коллег. Если бы он ознакомился с выкладками Якова Михайловича, имеющимися в его архивных документах, имел бы возможность убедиться, что они не только единомышленники почти во всех вопросах, но даже в некоторых деталях отец пошел дальше.

Хотелось бы, чтобы и Вы, и Ваш уважаемый супруг со своей стороны обратились к своим израильским коллегам содействовать моим начинаниям. Уже одно то, что Вы в своем письме упоминаете профессора Грюнберга – является большим подспорьем, т.к. я весьма далек от исторических и филологических наук.

Спасибо Вам за то, что сочли необходимым написать мне письмо, и за теплые слова в адрес моего отца. Думаю, мне неоднократно придется обращаться к Вам за помощью в тех вопросах, в которых Вы являетесь специалистом

Хорошего здоровья Вам и всего доброго.

Передайте моё почтение Вашему супругу.

С уважением

Михаил Агарунов

03.03.93 г.

370073, Баку, ул. 3-я Хребтовая, квартал 507/511, дом 14 «б», кв. 22